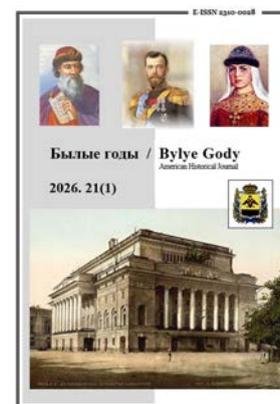

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 539-550
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.539

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Use of Child and Adolescent Labor in Agricultural Work in Peasant Households of the Altai Province (Based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census)

Viktor N. Razgon ^{a,*}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^bT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The use of child and adolescent labor in agricultural work was an economically necessary condition for the functioning of peasant households and a means of labor education for children, inseparable from their practical participation in the production process. The gender difference in the participation of children and adolescents in agricultural work recorded by the census program (plowing, haymaking, harvesting) consisted in the lower involvement of girls, especially in arable work, which was traditionally considered a male occupation. The practice of wider involvement of children and adolescents in agricultural work in peasant families who have lived in Siberia for a long time, compared with migrant families, is explained by the shorter duration of the growing season in the region, which required maximum concentration of household labor resources when performing basic production activities within the framework of the annual agricultural cycle. A comparative analysis of the use of child labor in the households of peasants belonging to different ethnic groups of the rural population of Altai shows that in the households of German peasant colonists child labor in agricultural work was used on a smaller scale than in the households of peasants of the main Slavic ethnic groups (Russians and Ukrainians), which is explained by the lower damage from military mobilization, caused to the labor potential of this ethnic group, as well as a higher level of technical equipment for field work. The least widespread use of child and adolescent labor was in the households of the aboriginal population (Altaians, Kazakhs), for whom agriculture and stationary cattle breeding were not traditional occupations, but acquired with inclusion in modernization processes.

An analysis of the relationship between the use of child and adolescent labor and the size of production in peasant households showed that it was used on the largest scale in the middle-sown group of households (with sowing from 4 to 12 dessiatines), in small-sown households (with sowing up to 4 dessiatines), its use was restrained by limited demand for labor, and in households of the highest sown group (with more than 12 dessiatines sown) – because they had better opportunities to use the labor of hired workers.

Sending children for employment to outside households was more typical not for old-time residents, but for migrant households, especially newly settled peasants, who were in dire need of funds necessary for the speedy economic and household arrangements in their new place of residence.

Keywords: child labor, labor education, peasantry, agriculture, peasant household, migrant peasants, agricultural census, Siberia, Altai Province.

1. Введение

Формирование привычки трудиться и нравственных представлений, основанных на уважении к труду, было важнейшим средством социализации подрастающего поколения в крестьянском социуме. Овладение трудовыми умениями и навыками, связанными с «работой на земле», являлось

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

необходимым условием подготовки мальчиков-подростков к успешному выполнению по достижении взрослого возраста социальных функций главы семьи (домохозяина) и члена деревенского сообщества, а девочек – к гармоничному совмещению функций домохозяйки и матери с производственной деятельностью, связанной с уходом за скотом и участием в полевых работах.

Из-за невысокого уровня механизации сельскохозяйственных работ, необходимости освоения новых пахотных земель (особенно в суровых природно-климатических условиях Сибири), непродолжительности вегетационного периода привлечение детей и подростков к сельскохозяйственным работам для многих крестьянских домохозяйств являлось экономически необходимым условием их деятельности. Процесс трудового воспитания, формирование трудовых умений и навыков были неотделимы от практического участия детей и подростков в производственном процессе, основанном на характерной для крестьянского домохозяйства семейной кооперации труда.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужила база данных, составленная на основе информации, содержащейся в первичных материалах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. – подворных анкетах крестьянских домохозяйств Алтайской губернии. База данных включает информацию о 13,1 тыс. домохозяйствах, отобранных посредством случайной пятипроцентной выборки из общего числа домохозяйств, переписные анкеты которых сохранились в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края (ф. 233) (около 70 % от общего числа проживавших в губернии крестьянских семей) ([Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В анкету крестьянского домохозяйства, являвшегося основным объектом переписи, помимо данных о землепользовании и экономическом состоянии, вносились сведения о его членах, которые, кроме демографической информации (пол, возраст, «кем приходится» домохозяину), включали данные об их участии (участвовал/не участвовал) в основных видах производственных работ, составляющих годовой сельскохозяйственный цикл – пахоте, сенокосе, уборке урожая. Анкеты переписи содержат также сведения о найме членов домохозяйств (в том числе детей и подростков) на сельскохозяйственные работы, который учитывался при проведении переписи как один из видов промысловых занятий. Наличие в переписных анкетах отметок о мобилизации мужчин-членов крестьянских домохозяйств призывного возраста в армию позволяет оценить влияние мобилизации на расширение применения подросткового труда в сельском хозяйстве в период Первой мировой войны.

Для обработки и осмысления содержащейся в базе данных информации в статье применялся компьютеризированный статистический анализ. Для выявления специфики использования детского и подросткового труда в домохозяйствах старожилов и переселенцев, в крестьянских семьях различной этнической принадлежности, в группах крестьянских домохозяйств, дифференцируемых по размеру посева и количеству голов скота, использовался сравнительно-исторический метод исследования.

В контексте изучения зависимости от времени водворения переселенческих семей масштабов участия имевшихся в них детей и подростков в сельскохозяйственном найме применялся метод периодизации.

3. Обсуждение

Вопросы трудового воспитания и межпоколенной трансляции трудовых традиций и ценностей в крестьянском социуме в России дореволюционного периода уже привлекали внимание историков ([Листова, 1997](#); [Мальцева, 2009](#); [Шошин, 2009](#); [Шустрова, 2012](#); [Шустрова, 2014](#); [Медведева, Васькина, 2015](#) и др.). В том числе изучался эмпирический опыт этнических групп крестьянства в трудовом воспитании детей ([Гостиева, 1980](#); [Беляева, 2001](#); [Ардт, 2023](#); [Мухина, 2024](#) и др.).

Специфика мужских и женских трудовых обязанностей в крестьянском домохозяйстве, в том числе мальчиков и девочек детского и подросткового возраста, исследуется в публикациях по гендерной проблематике ([Пушкарева, 2002](#); [Мужики и бабы..., 2005](#); [Лаухина, 2007](#); [Долидович, 2011](#); [Безгин, 2013](#) и др.) и истории повседневной жизни российского крестьянства в дореволюционный период ([Безгин, 2004](#); [Мухина, 2012](#) и др.).

На материалах Сибири XVIII – первой половины XIX в. механизм передачи сельскохозяйственных трудовых умений и навыков, трудовое воспитание в рамках производственной деятельности крестьянской семьи изучались М.М. Громыко ([Громыко, 1975](#)) и Н.А. Миненко ([Миненко, 1979](#)).

Роль семьи в процессе производственного обучения и трудового воспитания крестьянских детей в Сибири в конце XIX – начале XX в. рассматривается в публикациях В.А. Зверева ([Зверев, 1985](#)), Т.И. Березиной ([Березина, 1990](#)), Л.А. Явновой ([Явнова, 2013](#)).

В работах историков-аграрников отмечаются изменения в гендерном и возрастном разделении труда, произошедшие в период Первой мировой войны, когда из-за нехватки в крестьянских домохозяйствах взрослых мужчин трудоспособного возраста, вызванной массовым призывом в

армию, расширилось применение труда женщин и подростков в полевых работах ([Крестьянство..., 1983: 248-250](#); [Рынков, Ильных, 2013: 188](#))

Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. еще не использовались в качестве источника для изучения использования детского и подросткового труда в сельскохозяйственном производстве в дореволюционной России.

Задачами исследования, проведенного в рамках данной статьи, являются: определение на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Алтайской губернии возрастной и гендерной динамики использования детского и подросткового труда в крестьянских домохозяйствах; выявление специфики использования труда детей и подростков в домохозяйствах старожилов и переселенцев, различных этнических групп крестьянского населения губернии, в домохозяйствах, различавшихся по экономической состоятельности, измеряемой размером посева и поголовьем скота; оценка характера воздействия призыва в армию мужчин-членов домохозяйств призывного возраста на масштабы применения детского и подросткового труда в различных поселенческих, этнических и имущественных группах крестьянских домохозяйств.

4. Результаты

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. проводилась в условиях военного времени, когда значительная часть мужского населения была мобилизована в армию: в Алтайской губернии (до июня 1917 г. – Алтайском округе), как и в целом по Сибири, было мобилизовано более половины мужчин трудоспособного возраста: по данным переписи, удельный вес взрослых мужчин трудоспособного возраста, призванных в армию, составлял среди крестьян-старожилов – 52,7 %, переселенцев – 52,6 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Убыль сельских работников отчасти компенсировалась за счет направления на сельскохозяйственные работы военнопленных, беженцев и призываемых на тыловые работы представителей коренных народов ([Рынков, Ильных, 2013: 186-188](#)). Но в первую очередь образовавшаяся в результате мобилизации острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве компенсировалась за счет внутренних источников крестьянских домохозяйств – роста трудовой нагрузки на женщин, подростков, пожилых людей. В 1917 г. в крестьянских домохозяйствах Алтайской губернии женщины составляли почти 2/3 трудоспособных работников рабочего возраста (64 %), 28,9 % из них принимали участие в пахотных работах, 75,4 % – в уборке урожая, 74,1 % – в косье (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)). Расширилось использование в полевых работах труда подростков. Если по данным выборочного обследования, проведенного в Барнаульском уезде в 1911 г., в различных видах производственных работ, связанных с уборкой урожая, доля труда подростков в общем труде членов семьи составляла от 2,3 до 7,2 % ([Зверев, 1985: 115–116](#)), то в 1917 г., согласно данным сельскохозяйственной переписи, на подростков 12–15 лет приходилось уже 13,3 % от всех участвующих в уборке урожая в этом уезде работников (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В наименьшей степени сложившийся в период войны дефицит рабочих рук повлиял на вовлечение в сельскохозяйственные работы детей доподросткового возраста, так как включение детей в производственный процесс не могло происходить ранее их физического созревания и приобретения необходимых трудовых умений и навыков.

В анкетах сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии зафиксировано участие детей в сельскохозяйственных работах, начиная с 6–7-летнего возраста. В 6–8 лет оно имело sporadicкий характер, среди мальчиков 9-летнего возраста доля принимавших участие в пахотных работах составляла 7,6 %, в уборке урожая – 9,9 %, 10-летнего возраста – соответственно 16,2 % и 19,7 %, 11-летнего – 17,9 % и 25,9 % ([Таблица 1](#)).

Таблица 1. Участие детей и подростков в различных видах сельскохозяйственных работ с распределением по поселенческим группам, возрасту и полу (% от общего числа детей и подростков соответствующего возраста и пола) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Виды с/х работ,	6 лет		7 лет		8 лет		9 лет		10 лет		11 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
поселенческие группы кр-н												
Пахотные работы												
Старожилы	0,3	0	1,5	0	1,4	0	9,9	0,4	20	1,1	18,4	1,9
Переселенцы	0,1	0,1	0,5	0,2	2,4	0,1	6,5	0,5	14,5	1,9	17,6	3,1

Всего:	0,2	0,08	0,8	0,17	2,1	0,09	7,6	0,46	16,2	1,7	17,9	2,7
Уборка урожая												
Старожилы	0,8	0,3	1,8	1,2	2,2	0,9	10,3	2,8	23,4	4,3	25	6,9
Переселенцы	0,2	0,6	0,8	0,5	2,3	0,4	9,7	1,8	18,1	6,1	26,4	10,3
Всего:	0,4	0,5	1,1	0,7	2,24	0,6	9,9	2,1	19,7	5,6	25,9	9,2
Сенокос												
Старожилы	0,7	0,2	1,4	0,6	2,0	0,6	8,7	2,2	20,5	2,6	20,7	7,2
Переселенцы	0,2	0,5	0,5	0,4	2,0	0,3	7,2	0,8	15,5	4,9	20,2	6,6
Всего:	0,4	0,4	0,8	0,5	2,0	0,4	7,7	1,2	17,0	4,3	20,3	6,8

Таблица 1 (продолжение)

Виды с/х работ,	12 лет		13 лет		14 лет		15 лет		16 лет		17 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Поселенческие группы кр-н												
Пахотные работы												
Старожилы	37,1	4,9	45,2	9,7	64,7	13,3	74,5	18,5	80,9	26,4	82,9	24,2
Переселенцы	34,5	7,1	42,7	11,5	60,0	18,3	70,8	27,7	76,5	34,0	83,4	39,2
Всего:	35,2	6,5	43,5	11,0	61,4	16,8	71,9	25,0	77,8	31,9	83,2	34,5
Уборка урожая												
Старожилы	48,0	18,0	70,9	32,9	77,1	58,9	83,1	80,0	86,3	83,7	86,2	87,9
Переселенцы	43,8	19,0	50,8	30,8	69,5	54,8	76,7	72,1	80,3	84,0	85,3	84,7
Всего:	45,0	18,7	56,3	31,4	68,8	56	78,7	74,4	82,0	83,9	85,6	85,7
Сенокос												
Старожилы	41,3	12,6	56,7	28,7	77,8	54,4	80,6	75,4	83,2	82,5	83,5	84,4
Переселенцы	39,3	14,9	48,0	25,2	64,4	47,0	74,4	66,1	78,6	79,6	83,1	80,2
Всего:	39,8	14,3	50,6	26,2	68,2	49,2	76,3	68,8	79,9	80,4	83,3	81,5

Привлечение детей с малолетнего возраста к сельскохозяйственным работам было связано с распространенным среди крестьян представлением, что детей нужно приобщать к труду «сызмальства», чтобы привычка трудиться вошла в их плоть и кровь с самого детства, иначе у них не сформируется «усердствующей способности» к работе на земле (Тарасова, 2002: 60).

Приобщение детей с раннего возраста к сельскохозяйственному труду объясняется также стремлением использовать для формирования трудовых умений и навыков присущие этому возрасту интерес к занятиям взрослых и стремление подражать им, помогающие воспринимать с раннего возраста трудовые навыки от взрослых членов семьи, старших братьев и сестер. (Зверев, 1993: 153).

При проведении пахотных работ сначала труд детей использовался на наиболее легком их участке, не требующем большой физической нагрузки – в бороновании уже вспаханных старшими членами семьи полей. Мальчик-«бороноволок» вел под уздцы запряженную в борону лошадь, либо ехал на ней верхом (возить малолетних лошади было легче, а взрослым приходилось целый день водить лошадь с бороной в поводу, что считалось нелегкой работой). В случае, если земля была комковатой, отец усаживал сына на борону, чтобы утяжелить ее, а сам вёл лошадь под уздцы. Засев поля был самой ответственной частью земледельческих работ, связанных с посевной кампанией, и им занимался, как правило, глава домохозяйства, но дети шли за отцом и ставили сигнальные вешки, позволяющие избежать повторного засева отдельных участков поля.

С 11–12 лет мальчиков начинали приучать к пахоте. Сначала им выделяли отдельный участок поля, на котором они могли обучаться этому виду крестьянских работ, а в 13–14 лет мальчик-подросток уже мог и самостоятельно вспахать поле. Как видно из данных Таблицы 1, в 1917 г. в пахотных работах принимали участие 18 % всех мальчиков в возрасте 11 лет, в 12-летнем возрасте – 35 %, в 13-летнем – 43,5 %, а в 14-летнем – уже более половины (61,4 %).

Наиболее массовым было участие детей и подростков в производственных операциях, связанных с уборкой урожая из-за необходимости завершения их в максимально короткие сроки. Дети и подростки оказывали помощь взрослым членам семьи в жатве хлебов, вязке снопов, перевозке и складировании их на гумне и в овинах, молотье и веянии, свозке зерна в амбары (Зверев, 1985: 115-116). При этом и в условиях вызванного войной дефицита рабочей силы соблюдался принцип постепенного, определяемого возрастом и физическим состоянием детей вовлечения их в производственный процесс. Если в 10-летнем возрасте в уборочных работах в 1917 г. участвовали

19,7 % всех мальчиков и 5,6 % девочек, в 12 лет – соответственно 45 % и 18,7 %, то в 15 лет – уже 68,8 % и 56 % (см. [Таблицу 1](#)).

Покос травы был самым трудоемким из всех полевых занятий, требовавшим значительных физических усилий, поэтому во время сенокоса дети 7–11 лет привлекались в основном к более легким видам работ: девочки вместе с матерями ворошили сено, сгребали траву в валки, мальчики перевозили копны и т.п. Вместе с тем в этот период уже происходило обучение детей косить, для чего могли специально изготавливаться подходящие для них косы и грабли меньшего размера. С 12–13 лет дети начинали уже принимать участие в основной трудовой операции – косить траву, а в 16–17 лет уже могли косить наравне со взрослыми. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии, если в возрасте 11 лет в сенокосных работах принимали участие 20 % от общего числа мальчиков этого возраста и 6 % девочек, то среди подростков 13-летнего возраста этот показатель возрастал соответственно до 50 % и 26 %, а среди 15-летних – до 76 % и 69 % ([Таблица 1](#)).

Девочки начинали привлекаться к участию в учтенных переписью сельскохозяйственных работах в несколько более позднем возрасте, а к пахотным работам, считавшимся мужским занятием, – в основном в семьях, где не было мальчиков. В возрастной группе от 12 до 15 лет доля принимавших участие в пахотных работах девочек-подростков (15 %) была в 3,5 раза ниже соответствующего показателя у мальчиков-подростков (53 %) (подсчитано по данным [Таблицы 1](#)). Для всех выделяемых в [Таблице 1](#) возрастных групп характерны также и более низкие показатели использования труда девочек детского и подросткового возраста в двух других учтенных переписью сельскохозяйственных занятиях – сенокосе и уборке урожая (многие девочки занимались огородом, ухаживали за младшими братьями и сестрами, пока родители работали в поле), только уже в раннем юношеском возрасте (16–17 лет) гендерные различия, связанные с участием в этих видах сельскохозяйственных работ, нивелируются.

Рассмотрение данных [Таблицы 1](#) показывает, что во всех половозрастных группах доля детей и подростков, привлекаемых к учтенным при проведении переписи сельскохозяйственным работам, в старожильческих домохозяйствах выше, чем в переселенческих (за исключением участия девочек детского и подросткового возраста в пахотных работах), что свидетельствует о том, что в старожильской деревне сложилась практика более раннего и массового привлечения детей и подростков к земледельческому труду, что, по-видимому, объясняется меньшей продолжительностью вегетативного сезона в Сибири по сравнению с европейской частью страны, сокращавшей время проведения основных кампаний годового цикла сельскохозяйственного производства – посевной, сенокоса и уборки урожая и требовавшей в силу этого максимально возможной мобилизации в ходе их проведения всех имевшихся в крестьянских домохозяйствах трудовых ресурсов. Характерные для старожильческих домохозяйств более низкие показатели использования труда девочек детского и подросткового возраста в пахотных работах могут свидетельствовать о большей укорененности среди сибирских старожилов традиционных представлений о гендерном разделении труда в крестьянском хозяйстве, согласно которым пахотные работы считались мужским занятием.

Сравнительный анализ данных об использовании детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян и инородцев различных этнических групп населения, проживавшего на территории Алтайской губернии ([Таблица 2](#)), показывает, что в домохозяйствах немецких крестьян-колонистов привлечение детей и подростков к сельскохозяйственным работам имело менее массовый характер, чем в домохозяйствах крестьян, принадлежавших к наиболее многочисленным этническим группам славянского населения – русских и украинцев. Это объясняется меньшим уроном, нанесенным мобилизацией трудовым ресурсам немецких домохозяйств (в ходе проведенных в период Первой мировой войны мобилизаций в немецких колониях Алтая были призваны в армию 46,9 % всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, а у русских крестьян – 60,4 %, украинцев – 62,5 %), а также более высоким уровнем технической оснащенности полевых работ в хозяйствах немецких крестьян, позволявшим обходиться меньшим количеством работников (подробнее об этом см.: [Razgon et al., 2025: 506](#)).

Отраженные в [Таблице 2](#) более высокие показатели привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам в домохозяйствах русских крестьян, по сравнению с украинскими, немецкими и белорусскими, могут быть объяснены существенным преобладанием в их составе старожилов (у русских к этой поселенческой группе было отнесено в ходе переписи 39 % хозяйств, а у украинцев, белорусов, немцев – соответственно 4,1 %, 0,6 % и 0 %) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)), у которых, как показано выше, сложилась практика более раннего и широкого привлечения детей к сельскохозяйственному труду.

В наиболее массовом виде труд детей и подростков применялся в домохозяйствах проживавших на Алтае мордовских крестьян (см. [Таблицу 2](#)). У занимавшихся земледелием сибирских татар показатели, характеризующие участие в сельскохозяйственных работах детей подросткового возраста, несколько превосходили соответствующие показатели домохозяйств русских и украинских крестьян (кроме пахотных работ), но в более ранней возрастной группе (8–11 лет) соотношение было обратным, что свидетельствует о том, что приучение детей к сельскохозяйственному труду в татарских семьях начиналось с более позднего возраста, чем в семьях крестьян славянских этносов.

Таблица 2. Использование детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян и инородцев различных этносов (% от общего числа детей и подростков выделяемых половозрастных групп) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Виды сельхозработ, возрастные и гендерные группы	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Мордва	Казахи	Алтайцы	Татары
Пахотные работы								
8-11 лет (м/ж)	10,6/1,1	12,2/1,4	27,3/0	26,7/0	15,6/0	0/0	0/0	0/0
12-15 лет (м/ж)	52,0/12,4	50,8/22,2	45,5/33,3	42,4/22,2	61,5/12,5	44,4/0	13,3/0	36,4/7,1
Уборка урожая								
8-11 лет (м/ж)	14,3/4,4	14,0/3,8	22,7/0	13,3/0	18,8/3,1	0/0	12,5/0	7,7/0
12-15 лет (м/ж)	62,2/4,9	55,5/39,6	40,9/58,3	51,5/40,7	79,5/42,5	55,6/15,4	40/42,1	72,7/50
Сенокос								
8-11 лет (м/ж)	11,5/3,1	12,5/3,0	26,1/0	6,1/0	18,2/2,9	0/0	3,8/0	7,1/0
12-15 лет (м/ж)	58,5/3,9	52,6/34,2	37,0/50,0	38,2/31,0	67,5/41,9	37,5/10,0	30,3/22,9	66,7/43,8

Наименьшие показатели участия детей и подростков в сельскохозяйственных работах были зафиксированы в ходе переписи в домохозяйствах аборигенного населения (казахи, алтайцы), у которого земледелие и оседлое скотоводство были не традиционными занятиями, а приобретенными в ходе включения в модернизационные процессы. На показателях использования детского труда в сельскохозяйственных работах в домохозяйствах коренного населения региона могло отчасти сказываться и установленное имперским законодательством освобождение «инородцев» от воинской повинности, в результате чего в их домохозяйствах на момент проведения переписи во многом сохранялся сложившийся до войны баланс наличия и использования семейной рабочей силы.

Как видно из данных [Таблицы 3](#), позволяющих установить различия в использовании детского и подросткового труда в земледельческих работах в хозяйствах разных посевных групп, наиболее высокие показатели использования труда мальчиков детского и подросткового возраста в пахотных и уборочных работах были характерны для базирующихся почти исключительно на семейном труде хозяйств крестьян-середняков (с посевом от 4 до 12 дес.). Использование детского и подросткового труда в земледелии в беднейших хозяйствах (с посевом до 4 дес.) сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в крупнопосевных домохозяйствах – имевшимися у них более широкими возможностями для использования труда наемных работников (в домохозяйствах с посевом более 12 дес., составлявших 21,6 % от общего числа хозяйств с посевами, сосредоточивалось 57,6 % всех учтенных при проведении переписи годовых работников (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))). Малопосевные хозяйства (с посевом до 4 дес.) имели самые низкие показатели привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам, хотя их трудовой потенциал был снижен мобилизацией в большей степени, чем у хозяйств более высоких посевных групп: в этой группе домохозяйств были мобилизованы в армию 55,6 % взрослых трудоспособных мужчин, тогда как в домохозяйствах с посевом от 4 до 12 дес. – 50,6 %, а с посевом более 12 дес. – 49,5 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

В группах домохозяйств, выделяемых в зависимости от количества имевшихся в них коров, использование детского и подросткового труда в сенокосных работах расширялось по мере увеличения поголовья скота ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Доля детей и подростков, участвующих в сельскохозяйственных работах в крестьянских домохозяйствах, различающихся по размеру посевов и количеству коров, % от общего числа детей и подростков соответствующей половозрастной группы (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Группировка хозяйств по посевам и кол-ву коров	В возрасте от 8 до 11 лет		В возрасте от 12 до 15 лет	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
В хозяйствах с размером посева:	Участие в пахотных работах			

до 4 дес.	6,7	1,1	40,4	9,7
от 4 до 12 дес.	13,1	1,4	54,9	14,4
свыше 12 дес.	10,7	0,9	53,4	17,5
В хозяйствах с размером посева:	Участие в уборке урожая			
до 4 дес.	10,6	3,7	54,3	41,4
от 4 до 12 дес.	16,1	4,3	63,6	43,8
свыше 12 дес.	14,2	4,2	60,9	45,9
В хозяйствах с кол-вом коров:	Участие в косьбе			
1–2	10,2	3,2	55,1	36,0
3–4	11,8	2,9	59,6	38,6
5 и более	12,9	2,7	59,8	43,0

Программа переписи включала сбор сведений об участии членов семьи не только в сельскохозяйственных работах, проводившихся в собственном домохозяйстве, но и об их найме на работу в другие крестьянские домохозяйства. Наем на сельскохозяйственные работы учитывался в ходе переписи как один из видов промысловых занятий, при этом регистрировались участие в нем как взрослых, так и членов домохозяйств детского и подросткового возраста (Таблица 4).

Таблица 4. Участие крестьянских детей и подростков в сельскохозяйственном найме*, % от общего числа детей и подростков соответствующей половозрастной группы (по поселенческим группам, в сравнении со взрослым населением) (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Поселенческие группы крестьян	Возрастные группы							
	8-11 лет		12-15 лет		16-17 лет		18-60 лет	18-55 лет
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Старожилы	0,3	0	0,7	0,2	3,6	1,5	1,7	0,8
Переселенцы	0,3	0,07	2,5	0,95	3,0	2,2	3,2	1,3
Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)	0,45	0,1	3,2	1,9	4,1	3,0	4,3	1,5

*При проведении переписи учитывались следующие виды с/х найма: «сельскохозяйственный работник», «поденщик», «батрак», «пастух», «подпасок».

Как видно из данных Таблицы 4, переселенческие семьи чаще, чем старожильческие, отдавали детей и подростков в наем ради приработка и «чтобы не было в семье лишнего рта», так как нуждались в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства. В особенности это было характерно для переселенцев-новоселов: в семьях переселенцев, водворившихся на территории Алтая в период столыпинских реформ (1907–1917 г.), доля отдаваемых в сельскохозяйственную работу по найму мальчиков-подростков (12–15 лет), была в 4,5 раза выше аналогичного показателя в старожильческих домохозяйствах и в 1,3 раза выше такого же показателя, исчисляемого по всем переселенческим домохозяйствам, а девочек-подростков – выше соответственно в 9,5 и 2 раза.

В старожильческих домохозяйствах наиболее часто отдавали в наем подростков юношеского возраста (16–17 лет), доля занятых в сельскохозяйственном найме членов домохозяйств этого возраста была даже выше соответствующего показателя среди взрослых, значение использования производственного опыта которых в собственном хозяйстве ценилось выше трудового вклада подростков.

И в старожильческих, и переселенческих семьях среди девушек в возрасте 16–17 лет процент нанимавшихся на сельскохозяйственные работы в сторонние хозяйства был выше, чем соответствующий показатель среди взрослых женщин. По-видимому, это объясняется тем, что, по свидетельствам современников, зачастую девушки в этом возрасте нанимались на работу для того, чтобы заработать себе на приданое (Павлов, 1878: 65).

5. Заключение

Формирование у крестьянских детей трудолюбия, умений и навыков, связанных с работой на земле, происходило в процессе их практического участия в производственной деятельности домохозяйств. Крестьянские дети привлекались к сельскохозяйственным работам с раннего возраста,

гендерное различие проявлялось в том, что труд девочек детского и подросткового возраста использовался в сельскохозяйственных работах в меньших масштабах, чем труд мальчиков, в особенности в пахотных работах, считавшихся традиционно мужским занятием.

Анализ материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показывает, что в старожильческих семьях имело место более массовое использование труда детей и подростков при проведении сельскохозяйственных работ, чем в семьях крестьян-переселенцев. Складывание этой хозяйственной практики было связано с меньшей продолжительностью вегетационного периода в Сибири в сравнении с европейской частью страны, требовавшей максимального использования трудовых ресурсов крестьянских домохозяйств при проведении всех видов работ годового сельскохозяйственного цикла – пахоты и сева, сенокоса, уборки урожая.

Сравнительный анализ использования детского и подросткового труда в домохозяйствах крестьян, принадлежавших к разным этническим группам сельского населения Алтая, показывает, что в домохозяйствах немецких крестьян-колонистов детский труд в сельскохозяйственных работах использовался в меньших масштабах, чем у крестьян основных славянских этносов (русских и украинцев), что объясняется меньшим уроном, нанесенным трудовому потенциалу этой этнической группы мобилизацией и более высоким уровнем технической оснащенности полевых работ. Самые низкие показатели использования труда детей и подростков в учтенных переписью видах сельскохозяйственных работ характерны для домохозяйств аборигенного населения (алтайцы, казахи), для которого земледелие и оседлое животноводство было не традиционными хозяйственными занятиями, а приобретенными в рамках включения в модернизационные процессы. Отчасти на этих показателях могло сказываться и установленное законодательством освобождение «инородцев» от воинской повинности, в результате чего в их домохозяйствах на момент проведения переписи во многом сохранялся сложившийся до войны баланс наличия и использования семейной рабочей силы.

Анализ зависимости масштабов использования детского труда от экономической состоятельности крестьянских домохозяйств показывает, что привлечение детей к сельскохозяйственным работам наибольших размеров достигало в домохозяйствах средней посевной группы (с посевом от 4 до 12 дес.), в малопосевных домохозяйствах (с посевом до 4 дес.) использование детского труда сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в крупнопосевных (с посевом свыше 12 дес.) – имевшимися у них более широкими материальными возможностями привлечения работников по найму.

Направление детей для работы по найму в сторонние домохозяйства в большей степени было характерно не для старожильческих, а для переселенческих домохозяйств, в особенности недавних переселенцев, испытывавших острую нужду в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства.

Литература

- Ардт, 2023** – Ардт Е.А. Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX – начале XX в.: от рождения до конфиркации // *Сибирь гуманитарная*. 2023. № 4 (4). С. 42-59.
- Безгин, 2004** – Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: ТГТУ, 2004. 304 с.
- Безгин, 2015** – Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов: ТГТУ, 2015. 192 с.
- Беляева, 2001** – Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2001. 186 с.
- Березина, 1990** – Березина Т.И. Обучение и воспитание детей в процессе сельскохозяйственного труда у русских крестьян Сибири периода капитализма // *Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX в.)*. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1990. С. 82-92.
- Гостиева, 1980** – Гостиева Л.К. Трудовое воспитание детей в осетинской крестьянской семье в конце XIX – начале XX вв. // *Проблемы истории СССР*. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 90-100.
- Громько, 1975** – Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975. 351 с.
- Долидович, 2011** – Долидович О.М. Роль и место сибирской крестьянки в хозяйственной жизни региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Омский научный вестник*. 2011. № 3(96). С. 25-28.
- Зверев, 1985** – Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв. (трудовые традиции крестьян)*. Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 112-128.
- Зверев, 1993** – Зверев В.А. Дети отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861 – 1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
- Крестьянские хозяйства..., 2009** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан.

Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Крестьянство..., 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 400 с.

Лаухина, 2007 – Лаухина Г.В. Мужской и женский труд в крестьянском хозяйстве Черноземья во второй половине XIX в. / *Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета*. Липецк, 2007. Вып. 4. С. 88-93.

Листова, 2001 – Листова Т.А. Трудовое воспитание в крестьянской среде / *Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований*. М.: Наука, 2001. С. 182-201.

Мальцева, 2009 – Мальцева О.Ю. Традиционный календарь и система воспитания детей у русских Южного Урала (конец XIX – начало XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28(166). С. 53-59.

Медведева, Васькина, 2015 – Медведева З.А., Васькина О.А. Система воспитания детей в крестьянском социуме России в конце XIX – нач. XX века // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 4-7(9). С. 51-54.

Миненко, 1979 – Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.

Мужики..., 2005 – Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство-СПБ, 2005. 686 с.

Мухина, 2012 – Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.

Мухина, 2024 – Мухина З.З. Трудовое воспитание как одна из главных компонент в формировании личности в русской крестьянской семье Центральной России / *Семья и традиционные духовно-нравственные ценности: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году семьи в Российской Федерации*. Курск, 2024. С. 257–266.

Павлов, 1878 – Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Тюмень: Типография К. Высоцкого, 1878. 164 с.

Пушкарева, 2002 – Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации / *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции*. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2002. С. 65-83.

Рынков., Ильиных, 2013 – Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

Тарасова, 2002 – Тарасова С.И. Традиции как стержень содержания духовного воспитания в русской народной педагогике // *Гаудеамус*. 2002. № 2 (2). С. 56-65.

Шошин, 2009 – Шошин М.А. Трудовое воспитание в русской народной педагогике // *Вестник Мордовского университета*. 2009. Т. 19. № 2. С. 383-389.

Шустрова, 2012 – Шустрова М.Ю. Трудовое воспитание детей в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. / *Малолетние подданные большой империи: Филипп Аръес и история детства в России (XVIII – начало XX века)*. Сб. статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 341-356.

Шустрова, 2014 – Шустрова М.Ю. «На полатах лежать – ломтя не видать»: приобщение детей к труду в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века / *Век нынешний, век минувший. Материалы межрегиональной научно-практической конференции*. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 2014. С. 62-72.

Явнова, 2013 – Явнова Л.А. Воспитание детей в семьях старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX веков (по материалам устных источников) // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 3(40). С. 336-339.

Razgon et al., 2025 – Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V. Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census) // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 498-510.

References

Arndt, 2023 – Arndt, E.A. (2023). Osobennosti vospitaniya detei u nemtsev Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v.: ot rozhdeniya do konfirmatsii [Peculiarities of child upbringing among Volga Germans in the late 19th and early 20th centuries: from birth to confirmation]. *Sibir' gumanitarnaya*. 4 (4): 42-59. [in Russian]

Belyaeva, 2001 – Belyaeva, N.F. (2001). Traditsionnoe vospitanie detei u mordvy [Traditional upbringing of children in Mordvins]. Saransk: Mordovskii gos. ped. in-t. 186 p. [in Russian]

Berezina, 1990 – *Berezina, T.I.* (1990). Obuchenie i vospitanie detei v protsesse sel'skokhozyaistvennogo truda u russkikh krest'yan Sibiri perioda kapitalizma [Education and upbringing of children in the process of agricultural labor among the Russian peasants of Siberia during the period of capitalism]. Uchastie krest'yanstva v osvoenii vostochnykh okrain Rossii (konets XVII – nachalo XX v.). Novosibirsk: Izd-vo NGPI. Pp. 82-92. [in Russian]

Bezgin, 2004 – *Bezgin, V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late 19th – early 20th century)]. Tambov: TGTU. 304 p. [in Russian]

Bezgin, 2015 – *Bezgin, V.B.* (2015). «Na miru» i v sem'e: russkaya krest'yanka kontsa XIX – nachala XX veka. [In the community and in the family: a Russian peasant woman of the late 19th – early 20th centuries]. Tambov: TGTU. 192 p. [in Russian]

Dolidovich, 2011 – *Dolidovich, O.M.* (2011). Rol' i mesto sibirskoi krest'yanki v khozyaistvennoi zhizni regiona (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role and place of the Siberian peasant woman in the economic life of the region (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 3(96): 25-28. [in Russian]

Gostieva, 1980 – *Gostieva, L.K.* (1980). Trudovoe vospitanie detei v osetinskoj krest'yanskoi sem'e v kontse XIX – nachale XX vv. [Labor education of children in an Ossetian peasant family in the late 19th and early 20th centuries]. Problemy istorii SSSR. M.: Izd-vo MGU. Pp. 90-100. [in Russian]

Gromyko, 1975 – *Gromyko, M.M.* (1975). Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Labor traditions of the Russian peasants of Siberia (XVIII – the first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk: Nauka. 351 p. [in Russian]

Krest'yanskije hozyajstva..., 2009 – Krest'yanskije khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917]. [Elektronnyi resurs]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). –№ gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Krest'yanstvo..., 1983 – Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the period of capitalism]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. 400 p. [in Russian]

Laukhina, 2007 – *Laukhina, G.V.* (2007). Muzhskoi i zhenskii trud v krest'yanskom khozyaistve Chernozem'ya vo второй polovine XIX v. [Male and female labor in the peasant economy of the Chernozem region in the second half of the 19th century]. *Vekhi minuvshogo. Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta*. Lipetsk. 4: 88-93. [in Russian]

Listova, 2001 – *Listova, T.A.* (2001). Trudovoe vospitanie v krest'yanskoi srede [Labor education among peasants]. *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovanii*. M.: Nauka. Pp. 182-201. [in Russian]

Mal'tseva, 2009 – *Mal'tseva, O.Yu.* (2009). Traditsionnyi kalendar' i sistema vospitaniya detei u russkikh Yuzhnogo Urala (konets XIX – nachalo XX veka) [The traditional calendar and the system of child upbringing among Russians of the Southern Urals (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 28(166): 53-59. [in Russian]

Medvedeva, Vas'kina, 2015 – *Medvedeva, Z.A., Vas'kina, O.A.* (2015). Sistema vospitaniya detei v krest'yanskom sotsiume Rossii v kontse XIX – nach. XX veka [The system of child upbringing in the peasant society of Russia in the late XIX – early XX century]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 4-7(9): 51-54. [in Russian]

Minenko, 1979 – *Minenko, N.A.* (1979). Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoi Sibiri (XVIII – pervoi poloviny XIX v.) [A Russian peasant family in Western Siberia (XVIII – the first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. 350 p. [in Russian]

Mukhina, 2012 – *Mukhina, Z.Z.* (2012). Semeinyi byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoj gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoj Rossii [Family life and everyday life of peasants of Kursk province: traditions and dynamics of changes in post-Reform Russia]. M.: IEA RAN. 299 p. [in Russian]

Mukhina, 2024 – *Mukhina, Z.Z.* (2024). Trudovoe vospitanie kak odna iz glavnykh komponent v formirovanii lichnosti v russkoj krest'yanskoi sem'e Tsentral'noi Rossii [Labor education as one of the main components in personality formation in a Russian peasant family in Central Russia]. *Sem'ya i traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi Godu sem'i v Rossiiskoi Federatsii*. Kursk. Pp. 257-266. [in Russian]

Muzhiki..., 2005 – Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoj traditsionnoj kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya [Men and women. Masculine and feminine in Russian traditional culture. The illustrated encyclopedia]. SPb: Iskusstvo-SPB. 2005. 686 p. [in Russian]

Pavlov, 1878 – *Pavlov, A.* (1878). 3000 verst po rekam Zapadnoi Sibiri. Ocherki i zametki iz skitanii po beregam Tury, Tobola, Irtysha i Obi [3,000 miles along the rivers of Western Siberia. Essays and notes from wandering along the shores of Tura, Tobol, Irtysh and Ob]. Tyumen': Tipografiya K. Vysotskogo. 164 p. [in Russian]

Pushkareva, 2002 – *Pushkareva, N.L.* (2002). Gendernaya asimetriya sotsializatsii rebenka v traditsionnoj russkoj sem'e i perspektivy ee lomki v usloviyakh sotsial'noi modernizatsii [Gender asymmetry

of child socialization in a traditional Russian family and prospects for its breakdown in the context of social modernization]. *Sotsial'naya istoriya rossiiskoi provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina. Pp. 65-83. [in Russian]

Razgon et al., 2025 – Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V. (2025). Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census). *Bylye Gody*. 20(1): 498-510. DOI: 10.13187/bg.2025.1.498

Rynkov, Il'inykh, 2013 – Rynkov, V.M., Il'inykh, V.A. (2013). Desyatiletie potryaseni: sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1914–1924 gg. [A decade of upheavals: agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. 244 p. [in Russian]

Shoshin, 2009 – Shoshin, M.A. (2009). Trudovoe vospitanie v russkoi narodnoi pedagogike [Labor education in Russian folk pedagogy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 19(2): 383-389. [in Russian]

Shustrova, 2012 – Shustrova, M.Yu. (2012). Trudovoe vospitanie detei v russkoi krest'yanskoi sem'e Verkhnego Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Labor education of children in the Russian peasant family of the Upper Volga region in the late 19th – early 20th centuries]. *Maloletnie poddannye bol'shoi imperii: Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)*. Sb. statei. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Pp. 341-356. [in Russian]

Shustrova, 2014 – Shustrova, M.Yu. (2014). «Na polatyakh lezhat' – lomtya ne vidat'»: priobshchenie detei k trudu v russkoi krest'yanskoi sem'e Verkhnego Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX veka ["Lying on the bed is not a hunk to be seen": the introduction of children to work in a Russian peasant family in the Upper Volga region at the end of the XIX – beginning of the XX century bed]. *Vek nyneshnii, vek minuvshii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P.G. Demidova. Pp. 62-72. [in Russian]

Tarasova, 2002 – Tarasova, S.I. (2002). Traditsii kak sterzhen' soderzhaniya dukhovnogo vospitaniya v russkoi narodnoi pedagogike [Traditions as the core of the content of spiritual education in Russian folk pedagogy]. *Gaudeamus*. 2(2): 56-65. [in Russian]

Yavnova, 2013 – Yavnova, L.A. (2013). Vospitanie detei v sem'yakh starozhilov i pereselentsev Altaya v kontse XIX – pervoi treti XX vekov (po materialam ustnykh istochnikov) [Upbringing of children in families of old-timers and migrants of Altai in the late 19th – first third of the 20th centuries (based on oral sources)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3(40): 336-339. [in Russian]

Zverev, 1985 – Zverev, V.A. (1985). Rol' sem'i v zakreplenii i peredache opyta khozyaistvennoi deyatel'nosti russkikh krest'yan Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [The role of the family in consolidating and transferring the economic experience of Russian peasants in Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. *Zemledel'cheskie osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX vv. (trudovye traditsii krest'yan)*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. Pp. 112-128. [in Russian]

Zverev, 1993 – Zverev, V.A. (1993). Deti ottsam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.) [Children replace fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Izd-vo NGPI. 244 p. [in Russian]

Использование детского и подросткового труда в сельскохозяйственных работах в крестьянских домохозяйствах Алтайской губернии (по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Использование детского и подросткового труда при проведении сельскохозяйственных работ было экономически необходимым условием функционирования крестьянских домохозяйств и средством трудового воспитания детей, неотделимого от практического участия их в производственном процессе. Гендерное различие в участии детей и подростков в учтенных программой переписи сельскохозяйственных работах (пахоте, сенокосе, уборке урожая) заключалось в меньших масштабах привлечения к ним девочек, в особенности к пахотным работам, считавшихся традиционно мужским занятием. Сложившаяся в старожильческих семьях практика более широкого привлечения детей и подростков к сельскохозяйственным работам, по сравнению с переселенческими, объясняется меньшей продолжительностью вегетационного периода в Сибири,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

требовавшей максимальной концентрации трудовых ресурсов домохозяйств во время проведения основных производственных работ в рамках годового сельскохозяйственного цикла.

Сравнительный анализ использования труда детей и подростков в сельскохозяйственных работах в домохозяйствах крестьян различных этнических групп показ не традиционным, что у проживавших на Алтае немецких крестьян-колонистов детский и подростковый труд применялся в более ограниченных масштабах, чем у крестьян, принадлежавших к наиболее многочисленным славянским этносам (русских и украинцев), что объясняется меньшим уроном, нанесенным мобилизацией трудовым ресурсам немецких домохозяйств, и более высоким уровнем оснащенности их усовершенствованным сельхозинвентарем. Наименьшее распространение использование труда детей и подростков в учтенных переписью видах сельскохозяйственных работ получило в домохозяйствах аборигенного населения (алтайцы, казахи), для которого земледелие и стационарное скотоводство были нетрадиционными занятиями, а приобретенными с включением в модернизационные процессы, отчасти это объясняется и сохранением в домохозяйствах коренного населения довоенного баланса использования семейной рабочей силы из-за освобождения «инородцев» от призыва в армию.

Анализ взаимосвязи между использованием детского и подросткового труда и размерами производства в крестьянских домохозяйствах показал, что в наибольших масштабах он использовался в средней по размеру посева группе домохозяйств (с посевом от 4 до 12 дес.), в малопосевных домохозяйствах (с посевом до 4 дес.) его применение сдерживалось ограниченным спросом на рабочие руки, а в домохозяйствах высшей посевной группы (с посевом более 12 дес.) – имевшимися у них более широкими возможностями для использования труда наемных работников.

Направление детей для работы по найму в сторонние домохозяйства в большей степени было характерно не для старожильческих, а переселенческих домохозяйств, в особенности переселенцев-новоселов, испытывавших острую нужду в денежных средствах, необходимых для скорейшего хозяйственного и бытового устройства на новом месте жительства.

Ключевые слова: детский труд, трудовое воспитание, крестьянство, сельское хозяйство, крестьянское домохозяйство, крестьяне-старожилы, крестьяне-мигранты, сельскохозяйственная перепись, Сибирь, Алтай.